

ОКО ПОЛУНОЧИ

Aleksey Nik

Aleksey Nik

ОКО ПОЛУНОЧИ

«Автор»

2026

Nik A.

ОКО ПОЛУНОЧИ / А. Nik — «Автор», 2026

Спустя два года после петербургских потрясений следователь Пётр Вершинин и его жена, этнограф Аглая Стрешнева, ждут первенца, когда с верховьев далёкой Печоры приходит тревожная депеша: в глухой тайге бесследно исчезают охотники, а единственный уцелевший свидетель утверждает о загадочном Оке, что смотрит из-под земли и забирает всех, кто осмелится потревожить его покой. Расследование приводит супругов к древнему коми-зырянскому урочищу, где под снегом скрывается страж границы между миром живых и миром иным — и к остаткам Братства Медного Круга, вновь взявшимся за старое ремесло подчинения чужих сил. На этот раз нити заговора тянутся выше, чем когда-либо прежде, — вплоть до самой императорской фамилии, и цена ошибки как никогда высока. Вторая, завершающая книга дилогии, начатой романом «Медный облик Петербурга»: мистический детектив, стимпанк и семейная драма о том, что подлинная сила — не в подчинении древних тайн, а в уважении к ним.

© Nik A., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог. Деша из Усть-Цильмы	5
Глава первая. Совет старого следователя	8
Глава вторая. Долгая дорога	10
Глава третья. Слова обезумевших	12
Глава четвёртая. Приезжие геологи	14
Глава пятая. Педор Канев	16
Глава шестая. Благословение Ондreja Степановича	18
Глава седьмая. Путь сквозь тайгу	20
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Aleksey Nik

ОКО ПОЛУНОЧИ

Пролог. Депеша из Усть-Цильмы

Отдел по делам тайных обществ и мистических явлений при Особой следственной канцелярии занимал во флигеле трёхэтажного здания на Гороховой всего две комнаты — тесные, заставленные шкафами с папками, что множились с каждым месяцем куда быстрее, чем позволяло пространство. Пётр Аркадьевич Вершинин, вот уже полтора года возглавлявший этот отдел, давно смирился с теснотой, полагая её меньшим злом по сравнению с прежней теснотой собственного неведения о том, какие силы порой скрываются за самыми обыденными петербургскими происшествиями.

В то мартовское утро тысяча восемьсот девяносто пятого года снег на Гороховой уже начинал оседать грязными, ноздреватыми кучами вдоль тротуаров, а с Невы тянуло сырым, обманчиво весенним ветром, когда на стол Вершинина легла депеша, доставленная срочной эстафетой из уездного города Усть-Цильма, что затерялся где-то в верховьях далёкой северной реки Печоры.

— Ваше высокоблагородие, — доложил Гаврюшин, входя в кабинет с телеграфным бланком в руке, — из Усть-Цильмы. Тамошний исправник просит содействия Канцелярии — дело, по его словам, «выходящее за пределы обычного полицейского разума».

Вершинин отложил перо и протянул руку за депешей.

— Читайте вслух, Никита Фомич, у вас это выходит быстрее моего.

Гаврюшин, за полтора года службы в отделе успевший из робкого просителя превратиться в уверенного, хотя и по-прежнему почтительного помощника, откашлялся и начал читать:

— «Исправнику Усть-Цилемского уезда стало известно о серии загадочных исчезновений среди печорских промысловиков близ урочища, именуемого местными жителями Полуночным Оком. За минувший месяц пропало без вести четверо охотников, тела не найдены, а последний из пропавших, старик Аникей Пименов, чудом выбравшийся из тайги живым, но повредившийся рассудком, твердит о некоем "оке", что глядит из-под земли и забирает тех, кто осмеливается тревожить покой урочища. Учитывая специфический характер происшествия, ходатайствую о направлении сведущего в подобных делах чиновника для расследования на месте».

Вершинин долго молчал, глядя на бланк депешы, а в памяти его невольно всплыло имя, произнесённое почти два года назад в камере предварительного заключения человеком, чья карьера в Братстве Медного Круга закончилась столь бесславно.

— Крамской, — произнёс он вслух. — Он упоминал это название на допросе. Око Полуночи, урочище в верховьях Печоры.

— Помню, ваше высокоблагородие, — кивнул Гаврюшин. — Тогда мы решили, что это дело для будущего, не для того дня.

— Похоже, будущее наступило раньше, чем мы предполагали, — заметил Вершинин, поднимаясь из-за стола и подходя к окну, за которым по Гороховой медленно тащилась гружёная углём телега, влекомая парой лошадей, привычных к городской суете куда больше, чем к безмолвию северной тайги.

В этот момент дверь кабинета отворилась без стука — так, как позволяла себе входить единственная во всей Канцелярии женщина, чьё присутствие в стенах этого сурового ведомства уже давно никого не удивляло.

— Пётр Аркадьевич, — сказала Аглая Романовна, снимая на ходу шубку и присаживаясь на край стола с той непринуждённостью, что была ей свойственна ещё с их первой встречи, — швейцар сказал, вам пришла депеша с севера. Неужели наконец объявилось то самое Око, о котором столько времени молчали архивы?

Вершинин невольно улыбнулся — жена его, помимо прочих достоинств, обладала и удивительным чутьём на важные новости, а быть может, попросту хорошо изучила выражение его лица за полтора года совместной жизни.

— Оно самое, Аглая Романовна. Исправник Усть-Цилемского уезда просит нашего содействия — исчезают охотники, а единственный уцелевший свидетель повредился рассудком, твердя о некоем оке, что глядит из-под земли.

Аглая тут же посерьёзнела, вся её лёгкость сменилась знакомой Вершинину сосредоточенностью учёного, почуявшего запах подлинной тайны.

— Печора, — задумчиво повторила она. — Земли коми-зырян, а ещё севернее — ненецкие кочевья. Совсем иная мифология, чем у вожан на Ояти, но, полагаю, не менее древняя и не менее опасная для тех, кто сунется в неё без должного уважения.

— Вы уже что-то слышали об этом урочище?

— Слышала краем уха, — призналась Аглая, — от одного из корреспондентов Императорского географического общества, с которым состою в переписке. Он упоминал легенду о некоем оке, что смотрит на мир из-под полуночной звезды и карает тех, кто нарушает границы дозволенного знания. Я тогда не придавала этому значения, полагая обычным местным поверьем, вроде тысяч прочих, что записаны в моих архивах.

— Теперь, судя по всему, придётся придать этому куда большее значение, — сказал Вершинин, вновь берясь за депешу. — Собирайтесь, Аглая Романовна. Полагаю, нам предстоит новое путешествие — на этот раз куда дальше, чем берега Ояти.

Аглая, услышав это, не смогла сдержать лёгкой, взволнованной улыбки — той самой, что появлялась на её лице всякий раз, когда очередная тайна древних преданий манила её сильнее самого предусмотрительного благоразумия.

— А как же... — начала она, невольно опутив взгляд на собственный уже заметно округлившийся живот, — как же наша дочь, Пётр Аркадьевич? Доктор говорит, до родов остаётся не более двух месяцев.

Вершинин на мгновение замялся, ощутив знакомую тяжесть выбора между служебным долгом и заботой о семье, — выбора, что не раз вставал перед ним за годы службы, но теперь приобретающего особую, куда более личную остроту.

— Полагаю, — сказал он наконец медленно, — в столь деликатном положении вам разумнее остаться в Петербурге, Аглая Романовна, покуда я отправлюсь в Усть-Цильму с предварительным осмотром. Как только прояснится характер угрозы, я немедленно телеграфирую о дальнейших действиях.

Аглая, услышав это предложение, нахмурилась с той решительностью, что Вершинин уже успел изучить как безошибочный признак приближающегося несогласия.

— Пётр Аркадьевич, — сказала она твёрдо, — я понимаю ваше беспокойство, и ценю его. Но два месяца до родов — не приговор к затворничеству, а разумная осторожность, которую я вполне способна соблюсти и в дороге, если поездка не потребует, подобно прошлой, ночных погонь по заснеженному лесу. К тому же, — добавила она с лукавой, но непоколебимой улыбкой, — кто, помимо меня, сумеет разобрать печорские предания и не позволить вам вновь, как в истории с Северцевым, недооценить силу, с которой вы имеете дело?

Вершинин долго смотрел на жену, взвешивая её доводы против собственной тревоги, а затем, признавая справедливость сказанного — и, чего таить, собственную беспомощность перед её непреклонностью, — со вздохом кивнул.

— Хорошо, Аглая Романовна. Но при одном условии: как только положение станет опасным, вы немедленно возвращаетесь в столицу, не дожидаясь моих уговоров.

— Согласна, — тут же ответила Аглая, и в глазах её мелькнуло уже знакомое Вершинину предвкушение нового, полного тайн путешествия.

Гаврюшин, наблюдавший за этим коротким, но выразительным диалогом супругов, позволил себе робкое замечание:

— Ваше высокоблагородие, а меня возьмёте с собой на этот раз? Полагаю, лишние руки в подобном деле никогда не помешают.

Вершинин задумался, оценивая, насколько молодой помощник, обретший за минувшие полтора года немалый опыт, готов к путешествию, что, судя по одной лишь тревожной депеше, обещало быть не менее опасным, чем их прежние северные приключения.

— Возьму, Никита Фомич, — решил он наконец. — Полагаю, отделу по делам тайных обществ пришла пора доказать, что имя своё он носит не для одной лишь красоты канцелярской вывески. Собирайте вещи, все трое — выезжаем послезавтра. Путь до Печоры неблизкий, а Око Полуночи, боюсь, не намерено ждать нашего удобства.

КОНЕЦ ГЛАВЫ

Глава первая. Совет старого следователя

Прежде чем отправиться в столь дальнюю и неопределённую поездку, Вершинин почёл своим долгом заехать в Коломну — не столько за практическим советом, сколько за тем душевным напутствием, что неизменно умел давать старый учитель, каким бы обыденным или, напротив, пугающим ни казалось новое дело.

— Печора, — задумчиво протянул Крутицын, выслушав рассказ о депеше из Усть-Цильмы. — Далёкий край, Пётр, куда как дальше твоей прежней Ояти. Признаться, о тамошних преданиях мне известно немного — Братство Медного Круга, покуда я имел несчастье соприкасаться с его делами, интересовалось преимущественно землями поближе к столице.

— Значит, вам ничего не известно об Оке Полуночи? — с некоторым разочарованием спросил Вершинин.

— Кое-что известно, — возразил старик, — хоть и обрывочно. В архивах, что я в своё время успел просмотреть, мельком упоминалось о некоем печорском урочище, интересовавшем Мирошина ещё в молодые годы, — но, сколько помню, дело тогда не пошло дальше первоначальной разведки: то ли местные жители оказали слишком упорное сопротивление, то ли сама природа урочища отпугнула тогдашних агентов Братства сильнее, чем строптивость Аполлона Игнатьевича Северцева.

— Природа урочища? — переспросила Аглая, внимательно слушавшая разговор. — Что вы имеете в виду, Аполлинарий Егорович?

Крутицын пожал плечами с видом человека, чьи сведения слишком скудны, чтобы делать уверенные заключения.

— Точно не скажу, барыня. Помню лишь одну фразу из старого донесения агента Братства, посланного тогда на разведку: «место сие не терпит взгляда, обращённого к нему с корыстью». Больше в архиве ничего по этому предмету не сохранилось — либо агент погиб, не успев составить подробный отчёт, либо сведения эти изъяли задолго до того, как я получил доступ к архиву.

Вершинин задумчиво побарабанил пальцами по столу, обдумывая скудность этих сведений.

— Значит, отправляемся почти вслепую, — заключил он. — Не самое приятное начало для расследования.

— Не самое приятное, — согласился Крутицын, — но, полагаю, тебе не привыкать начинать дело с меньшим количеством сведений, чем хотелось бы. К тому же, — добавил он, посмотрев на Аглаю с той теплотой, что успел проникнуться к ней за годы знакомства, — на этот раз с тобой едет человек, чьё знание преданий северных народов уже однажды спасло не одну жизнь. Полагаю, и на Печоре её умение слушать землю и её обитателей окажется не менее полезным.

— Благодарю за доверие, Аполлинарий Егорович, — с искренней теплотой отозвалась Аглая. — Постараюсь его оправдать, хоть коми-зырянские предания и не входят покуда в число моих основных изысканий.

— Именно поэтому, — заметил Крутицын, — я бы посоветовал вам обоим по прибытии на место прежде всего отыскать не следствие в привычном смысле — не допрашивать перепуганных охотников с пристрастием следователя, — а найти того, кто способен рассказать о самом урочище на языке предания, а не полицейского протокола. Насильственные методы редко приносят плоды там, где земля хранит память древнее самой империи.

Вершинин кивнул, признавая мудрость этого совета, уже неоднократно подтверждённую опытом их прежнего расследования.

— Хорошо, Аполлинарий Егорович. Мы будем действовать осторожно, прислушиваясь прежде, чем действовать.

Прощаясь с гостями у порога своего дома, Крутицын неожиданно придержал Вершинина за рукав, как и прежде, перед их первой совместной поездкой на Оять.

— Пётр, — сказал он тихо, чтобы Аглая, уже направившаяся к поджидавшим саням, не расслышала, — помни: три года назад ты выучил меня одному важному уроку — что молчание из страха рано или поздно оборачивается против того, кто молчит. Теперь я хочу дать тебе иной совет, не менее важный: не всякая тайна нуждается в разгадке, обнаруженной перед целым светом. Есть тайны, что лучше оставить земле, их хранящей, — особенно теперь, когда у тебя есть жена на сносях и дочь, что вот-вот появится на свет. Умей отличить необходимую справедливость от простого любопытства, способного стоить тебе куда больше, чем ты готов заплатить.

Вершинин долго смотрел на старика, обдумывая эти неожиданно тревожные слова.

— Вы полагаете, Око Полуночи опаснее Хранителя с Ояти?

— Не знаю, Пётр, — честно признался Крутицын. — Но чутьё старика, повидавшего на своём веку немало тёмных дел, подсказывает мне: чем меньше сведений сохранилось о некоей тайне в архивах могущественного общества вроде Братства, тем осторожнее следует к ней приближаться. Возможно, дело там не в отсутствии интереса, а в том, что даже самые бесстрашные агенты предпочли не оставлять письменных свидетельств о том, что они там обнаружили.

Эти слова, произнесённые с несвойственной старику тревогой, ещё долго звучали в сознании Вершинина, покуда сани уносили их с Аглаей обратно в сторону Николаевского вокзала, откуда предстояло начать долгий путь на север — навстречу тайне, что тридцать лет назад отпугнула даже самых решительных слуг Братства Медного Круга.

КОНЕЦ ГЛАВЫ

Глава вторая. Долгая дорога

Путь до Печоры оказался куда более утомительным, чем прежняя поездка на Оять, — от Петербурга до Вологды удалось добраться по железной дороге за двое суток, но далее, от Вологды до Усть-Сысольска, а затем и до самой Усть-Цильмы, приходилось пробираться уже на перекладных, минуя места, где паровая машина ещё не потеснила привычного гужевого транспорта.

— Никогда не думала, что империя настолько велика, — заметила Аглая на четвёртый день пути, кутаясь в тёплую шаль поверх дорожного платья, покуда сани медленно продвигались по едва накатанному тракту среди густого, местами непроходимого леса. — В Петербурге, среди паровых карет и электрических огней, легко забыть, сколь много земель за пределами столицы по-прежнему живут в ритме, что не менялся веками.

— Полагаю, именно в этом контрасте и заключается истинный облик нашей империи, Аглая Романовна, — отозвался Вершинин, придерживая жену за руку на очередном ухабе. — Столица рвётся вперёд, к паровым машинам и электричеству, а окраины хранят прежний уклад — не по отсталости, а, быть может, по мудрости, недоступной торопливому столичному уму.

Гаврюшин, ехавший в соседних санях вместе с немногочисленным багажом экспедиции, то и дело сверялся с картой, раздобытой через Императорское географическое общество ещё в Петербурге.

— Ваше высокоблагородие, — крикнул он, когда сани ненадолго остановились для смены лошадей на очередной почтовой станции, — по карте выходит, что от Усть-Цильмы до самого урочища ещё вёрст сорок вверх по реке, а зимней дорогой туда не всякий ямщик отважится.

— Значит, придётся искать проводника на месте, — заключил Вершинин, разминая затёкшие от долгой езды плечи.

Аглая, воспользовавшись остановкой, извлекла из дорожного саквояжа потрёпанную тетрадь — копию переписки с географом, упоминавшим печорские предания, — и погрузилась в изучение немногочисленных пометок, сделанных ею ещё в Петербурге.

— Судя по этим сведениям, — сказала она, когда сани вновь тронулись в путь, — коми-зыряне, населяющие верховья Печоры, чтят некоего духа-хранителя, именуемого Ен-Ичет — "младшим сыном неба". По преданию, он охраняет границу между миром живых и миром потусторонним, а урочище, что местные называют Оком Полуночи, полагают одним из немногих мест на земле, где эта граница истончается настолько, что через неё можно увидеть — или быть увиденным.

— Быть увиденным кем? — с невольной тревогой уточнил Гаврюшин.

— Преданиях об этом говорится туманно, — призналась Аглая. — Одни толкуют, что через Око смотрит сам Ен-Ичет, оценивая достоинство тех, кто приближается к границе. Другие — что оттуда смотрит нечто менее благожелательное, некая сила, что коми-зыряне предпочитают не называть по имени, дабы не привлечь её внимания понапрасну.

Вершинин, слушая это, невольно вспомнил слова Крутицына о том, что "место сие не терпит взгляда, обращённого к нему с корыстью".

— Полагаю, — сказал он, — люди Братства Медного Круга тридцать лет назад как раз и обратили к этому месту взгляд, полный корысти, а урочище, судя по скудности сохранившихся сведений, не слишком благосклонно отнеслось к подобному вниманию.

— Боюсь, — тихо добавила Аглая, — что и нынешние исчезновения охотников могут быть связаны с чем-то похожим — быть может, кто-то из местных или пришлых людей вновь потревожил границу неподобающим образом, и урочище, как и прежде, ответило на это по-своему.

К исходу седьмого дня пути, когда усталость от долгой дороги начинала сказываться даже на неизменно бодром расположении духа Гаврюшина, экспедиция наконец достигла Усть-Цильмы — небольшого, но оживлённого по местным меркам городка, раскинувшегося на высоком берегу Печоры, чьи воды, скованные крепким зимним льдом, тянулись на север, к тем самым таинственным верховьям, где, по слухам, скрывалось Око Полночи.

Исправник, встретивший их у единственной в городе гостиницы, оказался немолодым, усталым человеком с явными следами бессонных ночей на измождённом лице.

— Слава Богу, дождались, — сказал он, пожимая Вершинину руку с неподдельным облегчением. — Признаться, ваше высокоблагородие, я уже начал сомневаться, придёт ли вообще помощь из столицы — места у нас глухие, депеши идут долго, а тем временем...

Он не договорил, но по его тревожному взгляду Вершинин понял: за время пути на север что-то произошло.

— Что случилось, покуда мы были в дороге? — быстро спросил он.

Исправник тяжело вздохнул.

— Пропал ещё один человек, ваше высокоблагородие. На этот раз не промысловик, а сам урядник, посланный мною для проверки урочища три дня назад. Ушёл с двумя стражниками — вернулись только двое, оба в состоянии, весьма схожем с тем, в каком нашли старика Пименова: живы, но рассудком повреждены, и о судьбе урядника не могут сказать ничего вразумительного.

Аглая и Вершинин обменялись тревожными взглядами.

— Где сейчас эти стражники? — спросил Вершинин. — Мне необходимо переговорить с ними как можно скорее.

— В городской больнице, ваше высокоблагородие, — ответил исправник. — Только предупреждаю: то небольшое, что они способны сказать, звучит настолько дико, что я сам засомневался в их рассудке ещё прежде, чем врач подтвердил моё подозрение.

— Мы привыкли к дикости, — мрачно заметил Вершинин, вспоминая ледяную полынью на Неве и капище на реке Оять. — Ведите нас к ним немедленно.

КОНЕЦ ГЛАВЫ

Глава третья. Слова обезумевших

Городская больница Усть-Цильмы оказалась скромным, деревянным зданием на две палаты, где кроме двух стражников, о которых говорил исправник, лежал ещё и старик Пименов — тот самый охотник, что первым принёс весть о таинственном урочище.

— Осторожнее, ваше высокоблагородие, — предупредил земский врач, невысокий, усталый человек в некогда белом, а теперь изрядно застиранном халате, — все трое в крайне возбудимом состоянии. Малейшее упоминание урочища или того, что они там видели, вызывает у них приступы неконтролируемого страха.

Вершинин кивнул, входя в палату вслед за Аглаей, покуда Гаврюшин остался снаружи, ведя протокол предстоящего разговора.

Один из стражников, молодой, но уже совершенно седой парень, сидел на койке, обхватив колени руками, и раскачивался взад-вперёд с монотонностью, свойственной людям, чей рассудок пытается защититься от невыносимого воспоминания.

— Как вас зовут? — мягко спросил Вершинин, присаживаясь рядом.

Стражник долго не отвечал, а затем прошептал едва слышно:

— Фёдор... Фёдор Кузьмич...

— Фёдор Кузьмич, я следователь из Петербурга, прислан разобраться в том, что случилось с вами и урядником. Можете рассказать, что вы видели у урочища?

При упоминании урочища стражник вздрогнул всем телом, а взгляд его заметался по палате, будто в поисках несуществующего укрытия.

— Не смотрите на него... не смотрите... — забормотал он. — Оно смотрит в ответ, коли на него посмотришь...

— Что смотрит, Фёдор Кузьмич? — тихо, но настойчиво спросила Аглая, присаживаясь с другой стороны.

— Око... — прошептал стражник. — Огромное, чёрное, посреди леса, будто прореха в самой земле, а из глубины его — свет, холодный, синий, будто зимняя звезда упала под землю и там застряла.

— А что случилось с урядником? — спросил Вершинин.

Стражник вновь задрожал, на этот раз сильнее.

— Он подошёл ближе... хотел рассмотреть получше, для донесения... а Око... Око моргнуло. Моргнуло, будто веко у него было, огромное, каменное веко, и когда открылось снова — урядника уже не было. Ни следа, ни крика — только сам он исчез, будто его там никогда и не было.

Вершинин и Аглая обменялись мрачными взглядами — рассказ этот, при всей своей фантастичности, поразительно напоминал обстоятельства гибели Северцева на Неве: внезапное, необъяснимое исчезновение, оставляющее после себя лишь недоумение и ужас свидетелей.

— Фёдор Кузьмич, — продолжила расспросы Аглая, — вы можете описать, как выглядело само урочище? Были ли там какие-либо знаки, резные изображения, следы древних построек?

Стражник задумался, явно силясь вспомнить детали сквозь пелену пережитого ужаса.

— Камни там были, барыня... высокие, вроде столбов, расставленные кругом, а посреди — то самое Око. И ещё... — он замаялся, — ещё снег там не лежит, вот что странно. Кругом сугробы по пояс, а на самой поляне у Ока — голая земля, будто тёплая, хоть мороз и трещал в тот день лютый.

Это последнее замечание заинтересовало Вершинина особо — тёплая земля посреди зимнего леса представлялась деталью, куда более пригодной для рационального расследования, чем мистические прорехи и каменные веки.

— Благодарю вас, Фёдор Кузьмич, — сказал он, поднимаясь. — Вы очень нам помогли.

Второй стражник, куда старше по возрасту, оказался ещё менее разговорчив — он лишь беспрестанно крестился, бормоча обрывки молитв, и на все вопросы отвечал лишь испуганным мотанием головы, так что Вершинин, не желая усугублять его и без того тяжёлое состояние, вскоре оставил дальнейшие расспросы.

Старик Пименов, первым принёсший весть об урочище, оказался неожиданно более собранным, чем оба стражника, — то ли возраст и жизненный опыт позволяли ему справляться с пережитым ужасом лучше молодых служивых, то ли миновавшие с момента происшествия недели немного притупили остроту потрясения.

— Вижу, не сидится столичным господам на месте, — заметил он с невесёлой, но отчётливо ироничной усмешкой, когда Вершинин и Аглая подошли к его койке. — Знать, депеша моя всё же дошла куда следует.

— Дошла, — подтвердил Вершинин. — Расскажите нам, Аникей, всё, что помните об урочище, — как можно подробнее.

Пименов долго молчал, собираясь с мыслями, а затем заговорил — медленно, но на удивление связно для человека, чей рассудок, по словам исправника, был серьёзно повреждён пережитым.

— Охотился я там сызмальства, ваше высокоблагородие, — начал он. — Места глухие, но добычливые — соболю, куница, порой и лось забредает. Урочище же то само — место особое, деды наши его стороной обходили, а мы, по молодости да по жадности до пушнины, порой всё же захаживали, коли зверь в ту сторону уводил.

— Значит, вы бывали там прежде, до нынешних происшествий? — уточнила Аглая.

— Бывал, барыня, не единожды, — кивнул старик. — И скажу вам: прежде место это было тихим, безобидным — просто поляна среди леса, круг камней, да пятно голой земли посреди снега. Странное, да, а всё ж не злое. А нынешней зимой всё переменялось.

— Что именно переменялось? — быстро спросил Вершинин.

— Свет, ваше высокоблагородие, — ответил Пименов. — Прежде на поляне той было просто пусто, лишь камни да голая земля. А тому месяца два как забрёл я туда по старой памяти — гляжу, а посреди поляны свет пробивается из-под земли, синий, холодный, будто там, в глубине, звезду кто-то закопал. Испугался я тогда, поспешил уйти, да только с той поры, слышал, и другие охотники стали пропадать — видать, любопытство их сгубило, потянулись поглядеть на диковину, да не воротились.

Вершинин почувствовал, как в его сознании начинает складываться первая, пока ещё смутная гипотеза о происходящем.

— Аникей, — сказал он, — вы говорите, свет появился лишь два месяца назад, хотя само урочище известно вашему роду с незапамятных времён. Значит, произошло нечто, разбудившее это место — подобно тому, как некое действие способно разбудить спящую до поры силу.

Пименов задумчиво кивнул, соглашаясь с этим предположением.

— Может, и так, ваше высокоблагородие. Только кто ж мог его разбудить, коли место то испокон веков люди стороной обходили?

Этот вопрос, при всей своей простоте, представлялся Вершинину ключевым для всего дальнейшего расследования, — и ответ на него, судя по всему, предстояло искать не в стенах усть-цилемской больницы, а непосредственно у самого таинственного урочища, сколь бы опасным ни было подобное путешествие.

КОНЕЦ ГЛАВЫ

Глава четвёртая. Приезжие геологи

Покинув больницу, Вершинин распорядился немедленно собрать сведения обо всех посторонних, кто мог появляться в окрестностях Усть-Цильмы за последние месяцы, — рассуждая, что пробуждение древней силы едва ли произошло само по себе, без внешнего вмешательства.

— Ваше высокоблагородие, — доложил исправник, вернувшись к вечеру того же дня с толстой конторской книгой под мышкой, — по записям постоялого двора, зимой к нам приезжала партия геологов — с виду люди учёные, снаряжение при них было солидное, буровые инструменты, ящики с образцами. Назвались представителями некоего "Северного горнопромышленного товарищества", искали, по их словам, месторождения меди в верховьях реки.

При слове "меди" Вершинин и Аглая невольно переглянулись — совпадение, слишком явное, чтобы счесть его случайным, учитывая название общества, чья тень преследовала их уже второй год кряду.

— Когда именно прибыла эта партия? — быстро спросил Вершинин.

Исправник сверился с записями.

— В конце декабря, ваше высокоблагородие, аккурат за пару недель до того, как Пименов впервые заметил свечение у урочища.

— А когда партия покинула ваш город?

— В том-то и странность, — нахмурился исправник. — Официально они так и не выехали — постоялый двор числит их постояльцами до сих пор, хотя вот уже три недели никто их не видел ни в городе, ни на самом постоялом дворе.

Вершинин почувствовал, как складывающаяся в его сознании картина обретает всё более тревожные очертания.

— Список этой партии у вас имеется?

Исправник протянул конторскую книгу, раскрытую на нужной странице. Вершинин, пробежав глазами список фамилий приезжих геологов, вдруг замер на одной из них.

— Аглая Романовна, — сказал он тихо, указывая на строку, — взгляните.

Аглая склонилась над книгой и, прочитав указанное имя, побледнела.

— «Инженер-геолог Аркадий Флегонтович Свешников», — прочитала она вслух, а затем перевела встревоженный взгляд на мужа. — Пётр Аркадьевич, это же...

— Отчество то же, что у Крамского, — задумчиво заметил Вершинин. — Совпадение — или намеренная маскировка человека, чьё истинное имя мы уже слышали прежде?

— А ещё, — добавила Аглая, всматриваясь в прочие имена списка, — здесь значится некий "консультант по историческим древностям" — Николай Аверьянович Голенищев-Дубровский. Помните, Пётр Аркадьевич, на суде упоминалось имя действительного статского советника Голенищева, чьё дело так и осталось незавершённым ввиду недостатка прямых улик?

Вершинин почувствовал, как холодная, хорошо знакомая ему по прежнему расследованию ярость поднимается в груди.

— Значит, — сказал он мрачно, — остатки Братства, ускользнувшие от полного разоблачения два года назад, не оставили своих амбиций, а лишь сменили направление поисков — с петербургских архивов на печорскую глушь.

— Но с какой целью? — спросила Аглая. — Если Око Полночи — действительно нечто вроде Хранителя, только куда более грозное, зачем Братству вновь искушать судьбу после столь сурового урока, преподанного самим Свяжским?

Вершинин долго молчал, обдумывая этот справедливый вопрос.

— Полагаю, — сказал он наконец, — ответ кроется в самой природе людей, подобных остаткам Братства. Урок, преподанный поражением Свияжского, они, весьма вероятно, истолковали не как предостережение против самой идеи подчинения древних сил, а лишь как урок необходимой осторожности — мол, прежде мы действовали слишком грубо, слишком явно, а теперь попытаемся достичь той же цели более тонкими, менее заметными средствами.

— Значит, буровые инструменты и ящики с образцами, — заключил Гаврюшин, до этого молча слушавший разговор, — были лишь прикрытием для истинной цели экспедиции?

— Весьма вероятно, — кивнул Вершинин. — А исчезновение самой партии геологов, равно как и участвовавшие пропажи местных охотников, может означать, что попытка эта, подобно прежним опытам Северцева и Свияжского, вышла из-под контроля тех, кто её затеял.

Аглая, обдумывая услышанное, вдруг заметила с тревогой:

— Пётр Аркадьевич, если Братство действительно вновь пытается подчинить древнюю силу — на этот раз печорскую, — а эксперимент вышел из-под контроля, это означает, что мы, возможно, имеем дело не просто с разбуженным духом-хранителем, но с силой, чья природа уже искажена неумелым, корыстным вмешательством. Подобная сила может оказаться опаснее и непредсказуемее, чем изначальный, неповреждённый Хранитель с Ояти.

Эта мысль, высказанная с профессиональной прямоотой этнографа, заставила всех присутствующих замолчать, обдумывая всю глубину открывающейся перед ними опасности.

— В таком случае, — сказал наконец Вершинин, поднимаясь с решимостью человека, готового встретить опасность лицом к лицу, невзирая на её масштаб, — нам необходимо как можно скорее найти проводника, способного провести нас к самому урочищу, — и молиться, чтобы мы успели вмешаться прежде, чем искажённая сила Ока Полуночи причинит ещё больший вред, чем уже причинила.

— Я знаю одного такого человека, ваше высокоблагородие, — неожиданно подал голос исправник. — Зырянин по имени Педор Канев, лучший следопыт в здешних краях. Правда, услышав о цели вашего путешествия, он, боюсь, может отказаться — коми-зыряне, при всём своём мужестве в обычной охоте, урочище это чтят особо, и не всякий отважится вести туда чужаков.

— Тогда нам придётся его убедить, — твёрдо сказал Вершинин. — Ведите нас к этому Каневу немедленно — время, боюсь, работает не в нашу пользу.

КОНЕЦ ГЛАВЫ

Глава пятая. Педор Канев

Дом зырянина Педора Канева стоял на самой окраине Усть-Цильмы, ближе к лесу, чем к прочим городским постройкам, — невысокая, но крепко срубленная изба, увешанная снаружи многочисленными оберегами из кости и дерева, узор которых показался Аглае смутно знакомым по прежним, вожанским преданиям, хотя и отличался в деталях.

Сам хозяин, невысокий, но жилистый человек неопределённого возраста, с обветренным, изрезанным морщинами лицом истинного таёжного следопыта, встретил гостей настороженно, но без враждебности.

— Исправник сказывал, придут ко мне столичные господа, — сказал он, приглашая их войти. — Про урочище спрашивать будете, знаю уже.

— Именно так, Педор, — подтвердил Вершинин, присаживаясь на предложенную лавку. — Нам нужен проводник, способный довести нас до самого места, где, по словам местных жителей, видели свет из-под земли.

Канев долго молчал, разглядывая гостей с тем задумчивым прищуром, что свойственен людям, привыкшим принимать решения не спеша, взвешивая каждое слово собеседника.

— Не пойду, — сказал он наконец коротко.

— Отчего же? — спросила Аглая, стараясь придать голосу как можно больше уважительной мягкости. — Мы прибыли из самого Петербурга, дабы остановить беду, что уже унесла несколько жизней среди ваших земляков.

— Знаю, барыня, — кивнул Канев, — и сочувствую погибшим всем сердцем. Да только место то не для людей — ни для местных, ни для столичных, никаких. Отцы наши, деды наши испокон веков его стороной обходили, и я обходить буду.

— Педор, — сказал Вершинин, — если мы не остановим то, что происходит у урочища, исчезновения продолжатся — и не только среди охотников, что случайно забредут в опасные места, но, возможно, и среди мирных жителей окрестных селений, если сила эта продолжит набирать мощь.

Канев долго молчал, обдумывая этот довод с явной внутренней борьбой между привычным, унаследованным от предков благоразумием и растущим осознанием реальной опасности.

— А что вы там делать станете, коли я вас доведу? — спросил он наконец. — Воевать с Оком? Оружием его не возмёшь, ваше высокоблагородие, я это знаю точно — сам видал, как урядник со стражниками с ружьями наперевес туда шли, а воротились двое, да не в себе, и без начальника своего.

— Мы не намерены воевать, — вмешалась Аглая. — Я этнограф, изучаю предания северных народов. Быть может, Око Полуночи, подобно иным подобным силам, о которых мне доводилось слышать, нуждается не в оружии, а в понимании — в уважительном, почтительном подходе, каким некогда подходили к нему ваши предки, прежде чем чужаки потревожили его покой неподобающим образом.

Канев, услышав это, впервые за весь разговор взглянул на Аглаю с некоторым подобием интереса, отличным от прежней настороженности.

— Вы про Ен-Ичета знаете? — спросил он с явным удивлением.

— Знаю немного, — призналась Аглая. — Что он хранит границу меж миром живых и миром иным, и что урочище это — одно из немногих мест, где граница эта истончается.

Канев долго смотрел на неё, а затем медленно, неохотно кивнул, будто её познания в местных преданиях перевесили чашу весов в пользу доверия.

— Верно говорите, барыня, — сказал он. — Только не всё так просто, как в книгах пишут. Ен-Ичет не злой дух, не станет он просто так людей губить. А вот коли кто границу ту потревожит неподобающим образом — раскопает, потревожит, попытается силу его подчинить...

— То он и отвечает соответственно, — закончила за него Аглая. — Мы полагаем, Педор, что именно это и произошло — прибывшая зимой партия геологов, что назвалась искателями меди, на деле пыталась подчинить силу урочища собственным корыстным целям, и потревоженный дух ответил на это гневом.

Канев долго молчал, обдумывая услышанное, а затем повернулся к Вершинину с прямым, испытующим взглядом.

— Коли вы, ваше высокоблагородие, действительно намерены не воевать с Ен-Ичетом, а понять его гнев да утихомирить по-доброму, как деды наши умели, — тогда, может, и согласись довести вас. Но при одном условии.

— Каком же? — спросил Вершинин.

— Прежде чем идти к самому урочищу, — сказал Канев, — вам следует испросить дозволения у нашего старейшины, Ондreja Степановича. Он один во всей округе ещё помнит старые обряды почитания, что деды наши совершали, дабы жить в мире с Ен-Ичетом. Без его благословения я вас туда не поведу — не моё это дело решать в одиночку, идти вам туда или нет.

Вершинин, вспомнив собственный опыт общения с Ефимьей Саввишной на далёкой Ояти, невольно улыбнулся — сходство ситуаций, при всём различии северных народов и их преданий, представлялось ему знаком того, что путь к истинному пониманию древних сил повсюду пролегает через одно и то же: уважение к тем, кто хранит память предков.

— Согласны, Педор, — сказал он твёрдо. — Ведите нас к Ондрею Степановичу — полагаю, его мудрость поможет нам подойти к этому делу с должным почтением, а не с той корыстной поспешностью, что уже стоила жизни нескольким несчастным.

Канев, услышав это согласие, впервые за весь разговор позволил себе едва заметную, одобрительную улыбку.

— Хорошо сказано, ваше высокоблагородие. Собирайтесь — до дома старейшины путь неблизкий, а засветло добраться лучше, покуда солнце ещё держится над лесом хоть недолгими часами.

КОНЕЦ ГЛАВЫ

Глава шестая. Благословение Ондreja Степановича

Селение, где проживал старейшина Ондрей Степанович, оказалось небольшим зырянским погостом в нескольких вёрстах от Усть-Цильмы, — десяток изб, разбросанных вдоль замёрзшего притока Печоры, да небольшая деревянная часовня, соседствовавшая, как заметила Аглая с профессиональным интересом этнографа, с куда более древним, резным столбом, увенчанным изображением какого-то зверя — то ли лося, то ли оленя с непропорционально длинными рогами.

— Двоеверие, — тихо пояснила она Вершинину, кивнув на этот столб. — Так этнографы называют сочетание православной веры с прежними, языческими обычаями, что нередко встречается у северных народов, принявших крещение относительно недавно, но не забывших полностью веру предков.

Сам Ондрей Степанович — глубокий старик с длинной седой бородой и удивительно живыми, пронизательными для его возраста глазами — принял гостей у порога собственной избы с той же неспешной, изучающей внимательностью, что и Канев накануне.

— Педор мне уже поведал о цели вашего визита, — сказал он, приглашая всех войти в тёплую, пахнущую дымом и травами горницу. — Столичные гости желают идти к Оку Полуночи.

— Желаем не праздного любопытства ради, Ондрей Степанович, — уточнил Вершинин, — а дабы остановить беду, что уже унесла несколько жизней, включая пропавшего без вести уездного урядника.

Старейшина долго молчал, разглядывая гостей с той же неторопливой основательностью, что и накануне Канев, а затем перевёл взгляд на Аглаю.

— А вы, барыня, — сказал он, — что за интерес у вас к нашим преданиям? Педор сказывал, будто вы кое-что о Ен-Ичете знаете.

— Я этнограф, Ондрей Степанович, — ответила Аглая. — Изучаю верования северных народов не из праздного любопытства, а из искреннего уважения к мудрости, что копилась поколениями прежде, чем столичная наука научилась её замечать. Мне доводилось уже однажды столкнуться с подобной силой — духом-хранителем народа вожан, что живёт близ реки Оять. Тамошняя история завершилась благополучно лишь потому, что мы подошли к делу с должным почтением, а не с корыстным принуждением, как поступили те, кто потревожил покой вашего урочища.

Ондрей Степанович, выслушав этот рассказ, задумчиво огладил бороду.

— Расскажите подробнее об этом деле, барыня, — попросил он. — Хочу понять, действительно ли вы понимаете природу той силы, к которой намерены приблизиться, или же явились сюда с той же слепой самонадеянностью, что и прежние ваши соотечественники.

Аглая, ощущая всю тяжесть этого испытания доверием, подробно, но без лишних прикрас пересказала историю Хранителя с Ояти — от первоначального тщеславия Северцева до окончательного, правильно проведённого обряда возвращения, что позволил успокоить пробуждённую силу, не подчиняя её принуждением.

Старейшина слушал внимательно, не перебивая, а когда рассказ был закончен, долго молчал, обдумывая услышанное.

— Похожая история, — сказал он наконец. — Только наш Ен-Ичет, полагаю, отличен от вашего Хранителя природой своей. Хранитель ваш, судя по рассказу, хранил волю умерших волхвов, передавая её живым. Ен-Ичет же — не вместилище человеческой воли, а страж границы, что отделяет мир живых от мира предков и духов. Задача его не в том, чтобы вести людей, а в том, чтобы не пускать через эту границу то, чему не следует её пересекать — ни в одну, ни в другую сторону.

— Значит, — уточнил Вершинин, — если некая сила из потустороннего мира попыталась бы прорваться в мир живых, Ен-Ичет воспрепятствовал бы этому?

— Именно так, ваше высокоблагородие, — подтвердил старейшина. — И полагаю, именно это и произошло минувшей зимой: приезжие чужаки, желая, по всей видимости, подчинить силу Ока собственной корысти, каким-то образом ослабили или повредили саму границу, что Ен-Ичет призван охранять. Теперь страж наш вынужден сражаться не только с непрошеными гостями, дерзнувшими приблизиться к урочищу, но, быть может, и с тем, что пытается прорваться через ослабленную им границу.

Это объяснение, куда более тревожное, чем первоначальные предположения Вершинина, заставило всех присутствующих ненадолго замолчать, осмысливая всю глубину открывающейся опасности.

— Ондрей Степанович, — сказала наконец Аглая, — что нам следует сделать, дабы не только не навлечь на себя гнев Ен-Ичета, но, быть может, и помочь ему восстановить повреждённую границу?

Старейшина долго молчал, а затем поднялся и, подойдя к небольшому, тщательно оберегаемому сундуку в углу горницы, извлёк оттуда старинный, потемневший от времени костяной амулет в форме оленьей головы с ветвистыми рогами.

— Возьмите это, барыня, — сказал он, протягивая амулет Аглае. — Оберег рода, что передаётся из поколения в поколение хранительницам знания о Ен-Ичете. Он не защитит вас от прямой опасности, но, быть может, позволит Ен-Ичету распознать в вас не корыстного чужака, а человека, пришедшего с честными намерениями.

Аглая бережно приняла амулет, ощущая, как и прежде с амулетом Аполлона Игнатьевича, тяжесть особой, почти сакральной ответственности, что налагает подобный дар.

— А что до самого обряда восстановления границы, — продолжал Ондрей Степанович, — этого я вам точно сказать не могу, ибо сам никогда подобного не совершал, — деды наши хранили эти знания в глубокой тайне, передавая лишь избранным, а последний из тех, кто действительно владел полным обрядом, скончался ещё до моего рождения. Однако помню я одно: в старых сказаниях говорится, что восстановить границу способна лишь жертва по доброй воле — не кровавая, но жертва подлинного, честного намерения, способная убедить Ен-Ичета в искренности пришедших.

— Жертва какого рода? — с некоторой тревогой уточнил Вершинин, невольно вспоминая собственный опыт участия в опасных обрядах, что уже не раз ставил под угрозу его жизнь и благополучие близких.

— Этого, ваше высокоблагородие, я и сам не ведаю в точности, — честно признался старейшина. — Полагаю, ответ на этот вопрос вам предстоит найти уже на месте, у самого урочища, — а быть может, сам Ен-Ичет укажет вам путь, коли распознает в вас достойных доверия людей.

Канев, до этого молча слушавший разговор, поднялся с явной решимостью.

— Что ж, — сказал он, — коли Ондрей Степанович дал своё благословение, я поведу вас к урочищу, как и обещал. Выступать лучше на рассвете — путь неблизкий, а засветло нужно успеть добраться хотя бы до полпути.

Вершинин, обменявшись взглядом с Аглаей, в котором читалась смесь тревоги перед неизвестностью и решимости довести дело до конца, кивнул с твёрдостью человека, уже не раз доказавшего собственную готовность встречать опасность лицом к лицу ради торжества справедливости.

— Хорошо, Педор. На рассвете выступаем.

КОНЕЦ ГЛАВЫ

Глава седьмая. Путь сквозь тайгу

Рассвет над Печорой в конце марта наступал поздно и неохотно, будто само солнце сомневалось, стоит ли пробуждать этот суровый северный край от зимнего сна. Экспедиция — Вершинин, Аглая, Гаврюшин и Канев в качестве проводника — выступила из Усть-Цильмы затемно, покуда исправник, вызвавшийся сопровождать их до половины пути, ещё раз пытался отговорить Вершинина от столь опасного предприятия.

— Ваше высокоблагородие, — говорил он, идя рядом с санями, — может, оставите хотя бы барыню здесь, в городе? Положение её деликатное, а путь неблизкий и, к тому же, весьма небезопасный.

— Благодарю за заботу, — ответила за мужа сама Аглая, прежде чем Вершинин успел вставить слово, — но я уже приняла решение сопровождать экспедицию, и решение это остаётся неизменным. К тому же, — добавила она с лёгкой, но твёрдой улыбкой, — без моего знания преданий вы, боюсь, рискуете допустить те же ошибки, что уже привели к исчезновению стольких людей.

Исправник, признав бесплодность дальнейших уговоров, лишь покачал головой и, простившись у развилки, где санная дорога сворачивала в сторону более обжитых селений, пожелал экспедиции удачи и благополучного возвращения.

Дальнейший путь пролегал уже без накатанной дороги — Канев вёл сани по едва заметным, известным лишь ему самому таёжным приметам, минуя завалы бурелома и предательски тонкий лёд на многочисленных лесных ручьях.

— Далеко ли ещё? — спросил Гаврюшин, поплотнее закутываясь в тулуп от усиливающегося к полудню мороза.

— К вечеру доберёмся до последнего перед урочищем зимовья, — ответил Канев, не оборачиваясь. — Там заночуем, а поутру — уже к самому месту, версты три всего останется.

Аглая, покуда сани медленно продвигались сквозь густой ельник, задумчиво разглядывала окружающий пейзаж — торжественную, суровую красоту северной тайги, столь непохожую на более обжитые, привычные ей южные леса вожанских земель.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.